

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕСТВА (на основе анализа украшений)

Согласно одному из теоретических положений палеосоциологической археологии погребальный инвентарь и отдельные изделия могут символизировать социальный статус погребенного. Эту дифференциацию объясняет наличие погребений с «богато» представленным инвентарем. Однако, несмотря на наличие предметов, свидетельствующих об особом статусе их владельца (серебряные и золотые украшения), либо изделий с ярко выраженной символикой, ее контекстуальное проявление выходит за рамки «визуального» символизма. Проведенное исследование позволило выделить ряд специфических признаков, которые могли определять социальную значимость погребенных. Большое внимание уделено украшениям прически и головного убора, декорированию одежды и особого орнамента на изделиях, наличию в погребальном инвентаре предметов «импорта». Особое отношение к умершим позволяет проследить анализ погребальной практики древних обществ и прежде всего обряд трупосожжения у андроновских племен. На территории распространения андроновского населения кремации на стороне и сожжению в могилах подвергались в основном лица женского пола разных возрастов. Особенностью данных захоронений было пышное убранство погребенных, нарядные одежды с многочисленными украшениями. Значительный интерес представляет практика захоронений мужчин с женским инвентарем. Возможно, в этой группе материальной культуры существовали «престижные» изделия, в том числе из драгоценных металлов или экзотических материалов, которые соответствовали определенной социальной категории общества.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, эпоха бронзы, погребальный обряд, половозрастная система, металлические украшения, социальная организация, реконструкция.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-13

Введение

В процессе осмысления проблемы половозрастных и социальных систем древних обществ выявляются вопросы, изучение которых составляет особую область в археологических исследованиях. Не останавливаясь подробно на теоретико-методологических аспектах изучения половозрастной и социальной дифференциации, отметим лишь, что в современной археологической науке в основе изучения палеосоциальных процессов лежит признание функционирования нескольких основных социальных структур. Половозрастная (физико-генетическая) организация любого общества (начиная с неолита) функционировала во взаимосвязи с семейно-брачной, социально-профессиональной, имущественной, ранговой, культурно-символической (религиозной), мифологической социальными структурами [Ольховский, 1995, с. 89–91; Поликанова, 1998; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 52; и др.]. Современное социальное пространство исследователи рассматривают в двухмерной системе координат, содержащей горизонтальное и вертикальное проецирование. В древних, средневековых и традиционных обществах в основе вертикальной проекции лежало социальное, имущественное, профессиональное различие, а горизонтальная базировалась на половозрастной структуре.

Методы, материалы и результаты исследований

Каждый человек, включенный в полноценную жизнь общества, занимает соответствующее место одновременно в нескольких социальных структурах и обладает своими координатами [Калиновская, 1982, с. 59–62; Попов, 1982, с. 68–79; Бутинов, 1982,

с. 63–68; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 52]. Отсутствие письменных и фольклорных источников привело специалистов к логическому заключению, согласно которому социальная значимость человека в древности находила свое отражение в материальной культуре. Общественное производство, роль при распределении материальных ценностей и другие сферы жизнедеятельности должны были непременно отразиться в погребальном обряде [Генинг, 1989, с. 218]. При анализе археологических источников принято считать, что эту дифференциацию объясняет наличие погребений с «богатым» инвентарем. В качестве основных признаков специалисты выделяют внушительные размеры погребальных сооружений, наличие изделий из драгоценных металлов, следы богатой призоны, значительное количество изделий из бронзы.

В данном контексте в качестве структурного критерия в организации возрастных групп представлен не просто возраст как биологическая характеристика, а возраст социальный, т.е. относительный признак, согласно которому возрастная группа формировалась как коллектив. При реконструкции половозрастных структур общества перед исследователями встает проблема типологии возрастных систем. Что считать критерием момента вступления в возрастную группу: рождение или инициацию? Мера физического состояния зрелости, способность к труду, полноправное участие в жизни общества становились условиями перехода индивида в иное групповое состояние. Например, первой ступенью социализации ребенка у традиционных народов является обряд инициации. Специалистами различаются такие дефиниции общих понятий жизненного пути человека, как возрастные классы и возрастные группы [Евдокимов, Усманова, 1990; Усманова, 1988]. Под возрастными классами понимают слои населения, занимающие особое место в системе возрастной стратификации общества и, соответственно, выделяемые и символизируемые культурой. Возрастные группы представлены организацией, основанной на общности хронологического и/или условного возраста своих членов, имеющие специфическую структуру, знаковые средства и, соответственно, воспринимаемые и символизируемые культурой.

Таким образом, пол и возраст достаточно четко могут определять социальный статус человека и его возрастной группы на протяжении всей истории человечества. Используя подобные демографические данные, можно говорить о дальнейшем выяснении социальной роли, прав и обязанностей человека в обществе. Согласно этнографическим исследованиям, на ранних стадиях социальной организации типа возрастной системы категория «социальный возраст» в допустимых пределах соответствовала категории «биологический возраст». Со временем социальную зрелость индивида стали определять другие факторы, в частности зависимость от социального происхождения отца и экономического состояния семьи.

Обозначение социальной стратификации общества дописьменного периода основано прежде всего на археологических данных. При подобной интерпретации материалов специалисты последовательно проводят несколько исследовательских процедур, которые включают в себя обработку и формализацию данных могильника, выделение групп могил, обладающих сходными признаками, и др. Обычно используют разнообразные математические, статистические или статистико-комбинаторные методики. В результате исследования выделяются группы могил, обладающие сходными признаками. Далее следует их интерпретация [Тихонов, 2008, с. 85]. Чаще всего специалистами выделяются погребения, условно называемые «богатыми», «средни-

ми» и «бедными», – на основе таких выделений и строится социальная стратификация обществ бесписьменных эпох. Анализ археологических материалов привел исследователей к выводу о том, что среди общего количества предметов сопроводительного инвентаря некоторые изделия символизируют социальный статус погребенного. Эту дифференциацию объясняет наличие так называемых «богатых» погребений. Однако, несмотря на наличие предметов, свидетельствующих об особом статусе их владельца (серебряные и золотые украшения), либо изделий с ярко выраженной символикой, ее контекстуальное проявление выходит за рамки «визуального» символизма. Зачастую символы ранга не всегда отражены в погребальной сфере, а иногда просто не могут быть зафиксированы в силу специфики археологических источников [Шарапова, 2004, с. 82]. Сложности возникают именно на интерпретационном уровне: по каким критериям определяется богатство и как наличие погребального инвентаря соотносилось с социальным статусом человека? С одной стороны, главными признаками неоднозначного положения умершего являются огромные размеры погребальных сооружений, наличие изделий из драгоценных металлов, следы богатой тризны, большое количество изделий из бронзы. На основании таких находок погребение считается отражающим особый социальный статус умершего. С другой стороны, трудно однозначно определить, кто имел более высокий социальный статус в обществе: похороненный в погребальной конструкции огромных размеров и с высокой насыпью, трудозатраты на изготовление которых весьма внушительны, либо погребенный с большим количеством инвентаря. По наблюдениям специалистов, социальная интерпретация древних и средневековых обществ практически всегда сводилась к определению ведущей роли мужчин, а женщинам и детям, за редким исключением, отводились второстепенные роли [Тихонов, 2008, с. 86]. В специальной литературе, посвященной исследованиям в области половозрастных и социальных реконструкций первобытного общества, нередко можно найти выражения «доминирующие позиции женщин в древнем обществе», «повышение общего статуса социальной значимости» и др. [Позднякова, 2001, с. 52; Кильдюшева, 2006, с. 163; и др.]. На наш взгляд, подобные выводы представляются не совсем корректными. На основе анализа археологического материала правомерно ставить вопрос об особом положении погребенных с представительным комплексом украшений. Поскольку разнообразие украшений характерно для женских могил, то можно выявить некоторую особенность: для женщин примерно одинакового возраста встречаются украшения, изготовленные из разного материала, в том числе и «престижного» (с позиции современного человека). Возможно, некоторые индивидуумы играли некую важную роль, например, в повседневной жизни коллектива, что и символизировало наличие значительного количества украшений в инвентаре. Как правило, речь идет об отношении женщин к культовой деятельности. Возможно, что определенные головные убрания выполняли религиозно-магическую функцию, хотя при этом не утрачивали своей роли как показателя возрастного статуса, а сами погребения могли трактоваться как погребения «жриц».

Рассматривая наличие металлических украшений с позиции индикатора ранга человека, мы можем выделить несколько специфических символов социальной власти, которые в той или иной степени отражены в археологических данных. Этот аспект предполагает прежде всего наличие внешнего проявления символики. В данном случае мы можем говорить о значимости прически, головного убора, украшения одежды осо-

бым декором. Анализируя пазырыкский костюм, Н.В. Полосьмак [2001, с. 143–163] допускает гипотетическую символику головных уборов, которые, как и прически, вероятно, могли регламентироваться социальным статусом или родовой принадлежностью.

Анализ металлических украшений показал, что общепринятым положением для населения эпохи бронзы на территории Западной Сибири является отсутствие этих изделий в инвентаре погребений детей младенческого возраста. Наиболее объективным объяснением этого факта может послужить утверждение, что смерть в таком возрасте не рассматривалась как значимая социальная потеря, и поэтому половая специфика одежды (покрова) отсутствовала. Отсутствие знаковой принадлежности при жизни была отражена в погребальном ритуале. Первые украшения зафиксированы в погребениях детей лишь в возрасте 5–6 лет. Но на территории Томского Приобья ситуация выглядит несколько иначе. Наиболее крупным, полностью исследованным на этой территории погребальным комплексом является могильник Еловского комплекса-II (ЕК-II) [Матющенко, 2004]. Выборка андроновских могил, используемая нами для анализа, составила 231 погребение, в группе «младенчество/детство» – 29 погребений, содержащих костяки детей в возрасте до 8–10 лет, из них девять могил принадлежали младенцам от 0,5 до 1 года. Особенностью погребального обряда населения, оставившего этот памятник, являлся «богато» представленный инвентарь захоронений данной возрастной группы. Такое положение относится не только к количеству украшений, но и к сосудам, которые устанавливали в могилы по 2–3 экз. Существенным представляется факт наличия накосных украшений – листовидных подвесок у младенцев до 1 года, которые физически не могли их носить. Из 31 экз. этих изделий 19 экз. (61,2%) принадлежали детям до 8–10 лет. В двух случаях из четырех для этой возрастной группы зафиксированы серьги с раструбом. «Богатый» инвентарь зафиксирован в захоронении младенца из андроновской могилы №191. В могиле №230, помимо накосных украшений, включающих в себя листовидные и ромбические подвески, было найдено нагрудное ожерелье, выполненное из бляшек-нашивок, пронизок и обойм. Эти материалы не вписываются в общую половозрастную схему, определенную в ходе анализа андроновского инвентаря. Можно предположить, что, помещая в могилу с младенцем столь богатое убранство, население пыталось остановить детскую смертность. Допустимо объяснение особого отношения к детям, к их рождению и становлению в тяжелых климатических условиях предтаежной зоны. Такое же положение было определено и для погребений ЕК-II постандроновского времени. Группа захоронений детей младенческого возраста содержала довольно представительный инвентарь, включающий в себя бляшки-пуговицы (60%), бляхи (45%), зеркала (58%), в некоторых случаях бронзовые бусы на щиколотках (могилы №117, 151, 288 и 339). В погребениях данной возрастной группы отмечены серьги с раструбом и листовидные подвески, зафиксированные у детей до 3 лет, хотя эти украшения в андроновском мире были характерны для инвентаря погребений женщин фертильного периода. Интересным представляется факт наличия единичных украшений, выполненных из золота. Для еловского времени известны одна бляшка-пуговица, обернутая золотой фольгой, и гривна, выполненная из свернутой проволоки. Оба эти изделия происходят из детской могилы №87. Сложносоставные накосные украшения из пистонных бляшек (от 10 до 14 экз.), нашитых на кожаную основу, известны только по материалам детских погребений (могилы №76, 251, 288, 308, 322 и 338).

Аналогичная картина наблюдалась по материалам памятника Сопка-2/5 (поздняя группа). Отдельной группой выделялось скопление погребений, самое большое по количеству могил, которое содержало богатый бронзовый инвентарь: оружие, украшения, орудия труда. В нем зафиксированы погребения детских и женских черепов. Следует отметить схожесть состава погребального инвентаря и его положения в могиле у женщин и детей в этих скоплениях, а также практически полное отсутствие категорий мужского инвентаря у детей [Гришин, 2002, с. 159; Молодин, Гришин, 2016]. Из комплекса бронзовых головных украшений достоверно именно с детьми связаны наборы накосных украшений. Последние помещены даже с младенцами, которые физически не могли их носить (до 0,5 года) (могила №322). Наличие этих изделий, скорее всего, относилось не к категории одежды погребенного, а к сопроводительным элементам облачения / выделения особого отношения к умершим.

На памятниках степного и лесостепного Алтая известны «богато» представленные погребения умерших, говорящие об их особом статусе. Особый интерес представляют материалы памятника Кулундинской степи Рублево-VIII [Кирюшин и др., 2006] (могилы №17 и 85), Чекановский Лог-10 [Демин, Ситников, 2000, с. 121], Фирсово-XIV [Позднякова, 2000, с. 48] (могилы №74, 88, 124, 200, 213, 222, 229 и 297). По количеству инвентаря на этом могильнике отличалось парное захоронение №7, где были найдены остатки «богатого» убранства головного убора [Кирюшин и др., 2010, с. 208] и пр.

Еще одним проявлением особого статуса погребенного при жизни по материалам погребений являются предметы «импорта». Мы уже говорили о наличии таких изделий в погребальных комплексах Западной Сибири [Умеренкова, 2011, с. 197–202]. Этнографические данные свидетельствуют о том, что во многих традиционных обществах импортные предметы выступают признаком особого статуса. В этом контексте значительный интерес представляют материалы памятников, которые по всем признакам можно отнести к кругу так называемых «культур андронидного типа». В качестве примера можно привести население Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи в конце II тыс. до н.э., которое соседствовало на севере с представителями еловской культуры, а на юге, преимущественно в предгорьях Салаирского кряжа, – корчажкинской. По мнению специалистов, к сосуществованию населения разных культур привело проникновение таежного населения в ареал представителей андроновского мира [Матющенко, 2004; Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 137–158]. Доказательствами данного факта могут служить материалы исследованных в последние десятилетия памятников эпохи бронзы на территории Кузнецкой котловины, в инвентаре которых были обнаружены изделия, идентичные найденным в погребальных комплексах еловского населения Томского Приобья. На данный момент известно два полностью исследованных памятника, содержащих подобные материалы: Танай-1 (автор раскопок В.В. Бобров) и Танай-12 (раскопки В.В. Боброва, В.С. Горяева). Исследования могильников показали присутствие в погребальном инвентаре бронзовых украшений, характерных для таежных племен Томского Приобья: кольца и браслеты со специфически загнутыми в виде спирали концами, серьги, подвески и детали головного убора (прически). Большое количество аналогий материалов могильников обнаруживается в погребальных комплексах еловской культуры. Речь идет прежде всего об идентичных наборах женских головных украшений, состоящих из спаренных взаимопроникающих

височных колец, связок пронизок, бронзовых бус, пластинок из ракушки. Кроме того, эти памятники объединяет наличие в их материалах характерных колокольчиковидных подвесок.

Закономерностей в количественном и качественном соотношении данных изделий в составе погребального инвентаря установить не удалось. Так, погребение из могильника Журавлево-4, в котором было найдено щитковое карасукское кольцо, совершено на периферии и отличалось от других обрядом кремации. Помимо перстня, в скоплении кальцинированных костей зафиксированы проволочное кольцо и пронизка. Захоронение из могильника Сапогово-2 также не отличалось большим количеством инвентаря: помимо щиткового карасукского перстня, обнаружено еще два кольца. В то же время перстень из могильника Обь-Иртышского междуречья Рублево-VIII принадлежал погребенной с «богатым» инвентарем.

Рассматривая погребения с позиции «престижности», на наш взгляд, необходимо более подробно остановиться на обряде трупосожжения у андроновских племен. Свидетельства совершения ритуалов захоронения с использованием огня отмечены не только в федоровских могильниках, но и в алакульских [Зданович, 1988, с. 143; Позднякова, 2001; Усманова, 1985; 1987; 1988; 1991; 2005; 2010; Хлобыстина, 1976; и др.], хотя в каждом из этих районов обряды сожжения домовин и кремация умерших сопровождали захоронению очень ограниченного круга людей. Обращает на себя внимание то, что на территории распространения андроновского населения, насколько об этом можно судить по имеющимся данным [Матвеев, 1998, с. 199–201], кремации и сожжению в могилах подвергались в основном лица женского пола разных возрастов. Еще одной особенностью данных могил является пышное убранство покойниц, нарядные одежды с многочисленными украшениями. Иногда ювелирные изделия помещались в берестяные туески или другие емкости. На юге Челябинской области при исследовании могильника Кулевчи-6 (курган №3, могила-2) была обнаружена интересная картина погребения, в котором зафиксированы следы совершения церемоний с использованием огня [Виноградов, 1984, с. 151]. Размещение кремированных останков и инвентаря позволило Н.Б. Виноградову предположить, что возле стенок могильной ямы находились ориентированные в одном направлении две «куклы» с прахом усопших. Предметы, оставленные на скоплении пережженных костей и рядом с ним, были расположены примерно так же, как если бы они находились при обряде ингумации: поверх кальцинированных костей были положены наконечник с листовидными подвесками на концах, две низки бронзовых бус на «щиколотках», в головах компактной группой, вероятно, в мешочке, находился набор золотых и бронзовых украшений. Наконечник располагался по линии ЮВ–СЗ и начинался с крупной обоймы – при погребении алакульских женщин по обряду трупоположения это украшение располагалось у основания черепа сзади. Аналогичная картина наблюдалась и в кургане №2 этого могильника. Здесь поверх кальцинированных костей были найдены два бронзовых браслета. Вышеперечисленные факты исследователи интерпретируют двояко: особенности ритуала захоронений, состав погребенных и их инвентаря могут свидетельствовать не только о специфических причинах смерти или особом статусе, который занимал покойный при жизни, но и о своеобразном моделировании существования в потустороннем мире, где им была уготована особая роль [Матвеев, 1998, с. 199; Сотникова, 2003, с. 178–184]. Н.Б. Виноградов предположил использование «куклы» в погребальной практике западной груп-

пы андроновского населения, апеллируя к материалам таштыкских захоронений. По мнению Э.Б. Вадецкой [1986, с. 134], умершего человека сжигали на стороне, затем собирали пепел в небольшой кожаный мешочек, который помещали внутри манекена, имитирующего человека. Такую куклу изготавливали из травы и обшивали кожей, берестой или тканью. В алакульско-федоровском могильнике Солнце-Талика захоронение в кургане №2 содержало три скопления кальцинированных костей, а из заполнения могилы были извлечены обломки бронзовых украшений – височное кольцо [Виноградов, Костюков, Марков, 1996, с. 133–134]. Предположения о помещении кремированных останков в одежду погребенного требует дополнительного обоснования, так как во многих погребениях украшения просто не встречаются. Определенную помощь в объяснении этого факта могут оказать этнографические параллели [Сотникова, 2008, с. 277]. Например, у казахов традиционная одежда орнаментировалась вышивкой или аппликацией с вышивкой независимо от того, из каких материалов она изготавливалась. Вполне вероятно, что компактное расположение кремированных костей в захоронениях андроновских племен является свидетельством использования определенного костюма в погребальном ритуале.

И еще один момент. По материалам скифского времени в Приобье были зафиксированы мужские погребения с женским инвентарем [Троицкая, 1989, с. 73–76]. В погребении №12 могильника периода поздней бронзы Танай-12 обнаружен уникальный комплект украшений, который состоял из 43 бусин – сердоликовых (33 экз.), керамических и аргиллитовых зерен. Помимо этих находок, зафиксированы украшения прически/головного убора: колокольчиковидные подвески и бляшки. Особенность находки заключается в том, что это первое мужское погребение периода поздней бронзы Кузнецкой котловины с богатым женским инвентарем, представленным не только украшениями волос, но и оформлением одежды. В специальной литературе существует устойчивое мнение, что сложносоставные украшения, содержащие элементы оформления прически (колокольчиковидные подвески), являлись знаковыми женскими атрибутами, определяющими половозрастную градацию и в какой-то мере социальную дифференциацию общества. В данном случае речь идет о погребении мужчины 45–50 лет (антропологическое определение Д.В. Позднякова). Важным фактом представляется наличие сосуда, найденного с погребенным. Он располагался перед лицевым отделом, высотой до 15 см, был украшен по плечу и верху тулова косыми штрихованными треугольниками, выполненными гребенчатым штампом. Зону плеча отделял от зоны шейки валик. Венчик был слегка отогнут и имел прямой срез. Сосуд был очень плохой сохранности и при попытке выемки из погребения рассыпался на мелкие фракции, не поддающиеся реконструкции. Примечательно, что сердоликовые украшения были мастерски изготовлены и тщательно проработаны, а сосуд, помещенный в могилу, был низкого качества, в то время как в «соседних» погребениях керамика представлена на должном уровне. Надо отметить, что особенностью могильника Танай-12 является большое количество детских захоронений, но даже у них среди сопроводительного инвентаря были помещены сосуды хоть и маленьких размеров (от 5,5 см в высоту), но выполненные и орнаментированные с очень большой аккуратностью, что нельзя сказать относительно сосуда из погребения №12. Аналогичная картина рассмотрена Е.В. Куприяновой [2008] в погребениях андроновской культуры Южного Зауралья.

Заключение

Итак, в любом обществе, в том числе и первобытном, каждый этап жизненного цикла обладал, строго говоря, своими «правами и обязанностями», возлагал на индивида соответствующие нормы поведения, социальные роли и др. Кроме того, жизненный цикл индивида мог соотноситься с определенными стереотипами поведения для мальчиков и девочек. При этом стадии жизненного цикла мужчин и женщин могли и не совпадать. Вполне правомерным представляется выделение некоторых специфических символов «социальной власти», которые в той или иной степени отражены в археологических источниках: «богатое» оформление прически/головного убора и одежды, наличие и сочетание некоторых украшений (подвески, амулеты), мужские погребения с женским инвентарем, обряд кремации. Возможно, в этой группе материальной культуры существовали «престижные» изделия, в том числе из драгоценных металлов или экзотических материалов, которые соответствовали определенной социальной категории общества.

Библиографический список

- Бутинов Н.А. Половозрастная организация // Советская этнография. 1982. №1. С. 63–68.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 179 с.
- Виноградов Н.Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. №3. С. 136–153.
- Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В. Могильник Солнце – Талика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск : Рифей, 1996. С. 131–150.
- Генинг В.Ф. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. Киев : Наукова думка, 1989. 296 с.
- Гришин А.Е. Погребальный обряд кротовской культуры: типология погребальной практики (по материалам могильника Сопка-2) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 301 с.
- Демин М.А., Ситников С.М. Новые материалы андроновской культуры с верховьев р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. IX. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 121–125.
- Евдокимов В.В., Усманова Э.Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурной общности из Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск : ЧелГУ, 1990. С. 66–80.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
- Калиновская К.П. К проблеме возрастных систем // Советская этнография. 1982. №1. С. 59–62.
- Кильдюшева А.А. Возрастные группы женщин по этнографическим данным и их отражение в археологических материалах // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск : Изд. дом «Наука», 2006. С. 160–164.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железного века в Алтайском Приобье и степном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 206–210.
- Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево-VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 33–44.
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 137–158.
- Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана) Челябинск : Авто Граф, 2008. 244 с.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск : Наука, 1998. 415 с.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск : ОмГУ, 2004. 468 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник на реке Оми. Т. 4. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. 452 с.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. №2. С. 85–98.

Позднякова О.А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово-XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т. III. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2000. С. 47–52.

Позднякова О.А. Накосные украшения из андроновских могильников лесостепного Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 251–255.

Поликанова Е.П. Социальная структура общества (анализ различных концепций) // Философия и общество. 1998. №5. С. 233–240.

Полосмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2001. С. 143–163.

Попов В.А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (Вместо ответа оппонентам) // Советская этнография. 1982. №1. С. 68–79.

Сотникова С.В. Андроновский (федоровский) обряд кремации: к реконструкции ритуала // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 178–184.

Сотникова С.В. Реконструкция способов обращения с кремированными останками в андроновском ритуале (по данным этнографии и древних письменных источников) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск : Изд-во ОмГПУ : Изд. дом «Наука», 2008. С. 276–279.

Тихонов С.С. К вопросу о комплексном изучении положения женщин в древних обществах // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск : Изд-во ОмГПУ : Изд. дом «Наука», 2008. С. 85–87.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Возможности проведения палеосоциальных исследований на основе археологических данных // Археология Южной Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 51–55.

Троицкая Т.Н. Некоторые вопросы социальной стратификации общества большереченской культуры (V–I вв. до н.э.) // Скифо-сибирский мир. Кемерово : КемГУ, 1989. С. 73–76.

Умеренкова О.В. Культурное взаимодействие в эпоху поздней бронзы на территории Кузнецко-Салаирской горной области (на основе анализа украшений) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №6 (12), ч. I. С. 197–202.

Усманова Э.Р. К вопросу о соотношении обрядов труположения и трупосожжения у племен андроновской культурно-исторической общности // Мировоззрение у народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 155–157.

Усманова Э.Р. К вопросу о биритулизме в погребальном обряде племен андроновской общности Сары-Арки // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда : [Б. и.], 1987. С. 43–48.

Усманова Э.Р. Знаковый код в погребальном обряде могильника Лисаковский // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1988. С. 83–84.

Усманова Э.Р. Андроновский погребальный обряд и проблема хронологии и периодизации (по материалам могильника Лисаковский) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 90–93.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда ; Лисаковск : Караганд. гос. ун-т им. Е. А. Букетова ; Лисаков. музей истории и культуры Верх. Притоболья, 2005. 232 с.

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда : ТАиС, 2010. 176 с.

Хлобыстина М.Д. Бронзовые изделия Хакасско-минусинской котловины и развитие карасукской культуры // Архив Музея археологии, этнографии и экологии Южной Сибири КемГУ. ОФ №70. 1976.

Шарапова С.В. Некоторые аспекты изучения символов социальной власти // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : ОмГУ, 2004. С. 82–86.

O.V. Umerenkova

TO THE PROBLEM OF SOCIAL RECONSTRUCTION OF THE SOCIETY (Based on the Analysis of Jewelry)

According to one of the theoretical positions of paleosociological archaeology, funerary implements and individual items can symbolize the social status of the buried. This differentiation is explained by the presence of burials with the “richly” presented inventory. However, despite the presence of objects that indicate the special status of their owner (silver and gold jewelry), or products with pronounced symbolism, its contextual manifestation goes beyond the scope of “visual” symbolism.

The study made it possible to identify a number of specific features that could determine the social significance of the buried. Much attention is paid to the decorations of the hairdo and headgear, to decorating clothes and special ornamentation on products, to the presence in the funeral implements of “import” items. A special attitude towards the dead makes it possible to trace the analysis of the funeral practices of ancient societies and, first of all, the ritual of body burning in the Andronovo tribes. In the territory of the Andronov population, mostly females of different ages were exposed to the cremation on the side and burning in the graves.

The peculiarity of these burials was the magnificent decoration of the buried, elegant clothes with numerous ornaments. Of considerable interest is the practice of burial of men with women’s implements. Perhaps in this group of material culture there were “prestigious” products, including those from precious metals or exotic materials that corresponded to a certain social category of society.

Key words: archaeology, Western Siberia, Bronze Age, funeral rite, gender and age system, metal decorations, social organization, reconstruction.

References

Butinov N.A. Polovozrastnaja organizacija [Gender and Age Organization] Sovetskaja jetnografija [Soviet Ethnography]. 1982. №1. Pp. 63–68.

Vadeckaja Je.B. Arheologicheskie pamjatniki v stepjah Srednego Eniseja [Archaeological Monuments in the Steppes of the Middle Yenisei]. L. : Nauka, 1986. 179 p.

Vinogradov N.B. Kulevchi VI – novyj alakul’skij mogil’nik v lesostepjah Juzhnogo Zaural’ja [Kulevchi VI – New Alakul Burial Ground in the Forest-Steppes of the Southern Trans-Urals]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1984. №3. Pp. 136–153.

Vinogradov N.B., Kostyukov V.P., Markov C.B. Mogil’nik Solntse – Talika i problema genezisa fedorovskoy kul’tury bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural’e [Talika and the Problem of the Genesis of the Fedorovo Culture of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. Novoe v arheologii Yuzhnogo Urala [New Research in the Archaeology of the Southern Urals]. Chelyabinsk : Rifej, 1996. Pp. 131–150.

Gening V.F. Struktura arheologicheskogo poznavaniya. Problemy sotsial’no-istoricheskogo issledovaniya [Structure of Archaeological Knowledge. Problems of Socio-Historical Research]. Kiev : Naukova dumka, 1989. 296 p.

Grishin A.E. Pogrebal’nyy obryad krotovskoy kul’tury: tipologiya pogrebal’noy praktiki (po materialam mogil’nika Sopka-2) : dis. ... kand. ist. Nauk [Funeral Rite of the Krotovo Culture: the Typology of Funeral Practice (Based on the Materials of the Sopka-2 Burial Ground): dis. ... cand. Historical Sciences. Novosibirsk, 2002. 301 p.

Demin M.A., Sitnikov S.M. Novye materialy andronovskoy kul’tury s verkhov’ev r. Aley [New Materials of Andronovo Culture from the Upper Reaches of the Alei River]. Sokhranenie i izuchenie kul’turnogo naslediya Altaya. Vyp. IX [Preservation and Study of Altai cultural heritage. Issue IX]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2000. Pp. 121–125.

Evdokimov V.V., Usmanova E.R. Znakovyy status ukrasheniy v pogrebal’nom obryade (po materialam mogil’nikov andronovskoy kul’turnoy obshchnosti iz Tsentral’nogo Kazakhstana) [The Status of Ornaments in the Funeral Rite (Based on Materials from the Cemeteries of Andronovo Cultural Community from Central Kazakhstan)]. Arkheologiya Volgo-Ural’skikh stepey Archeology of the Volga-Ural Steppes]. Chelyabinsk : ChelGU, 1990. Pp. 66–80.

Zdanovich G.B. Bronzovyy vek uralo-kazakhstanskikh stepey [The Bronze Age of the Ural-Kazakh Steppes]. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1988. 184 p.

Kalinovskaya K.P. K probleme vozrastnykh system [To the Problem of Age Systems]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1982. №1. Pp. 59–62.

Kil'dyusheva A.A. Vozrastnye gruppy zhenshchin po etnograficheskim dannym i ikh otrazhenie v arkhelogicheskikh materialakh [Age Groups of Women on Ethnographic Data and Their Reflection in Archaeological Materials]. *Integratsiya arkhelogicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies]. Omsk : Izd. dom «Nauka», 2006. Pp. 160–164.

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S., Frolov Ya.V. Izuchenie pamyatnikov epokhi bronzы i ranego zheznogo veka v Altayskom Priob'e i stepnom Altai [Studying Monuments of the Bronze Age and the Early Iron Age in the Altai Ob Area and Steppe Altai]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. T. XVI [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XVI]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2010. Pp. 206–210.

Kiryushin Yu.F., Pozdnyakova O.A., Papin D.V., Shamshin A.B. Kolleksiya metallicheskikh ukrasheniy iz pogrebeniy andronovskogo kompleksa mogil'nika Rublevo-VIII [Collection of Metal Ornaments from Burials of the Andronovo Complex of the Rublevo-VIII Burial Ground]. *Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy bronzovogo veka* [Altai in the System of Metallurgical Provinces of the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 33–44.

Kiryushin Yu.F., Shamshin A.B. Korchazhkinskaya kul'tura lesostepnogo Altayskogo Priob'ya [Korchazhkin Culture of the Forest-Steppe Altai Ob River]. *Arkheologicheskie issledovaniya na Altai* [Archaeological Studies in Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1987. Pp. 137–158.

Kupriyanova E.V. Ten' zhenshchiny: Zhenskii kostyum epokhi bronzы kak "tekst": (po materialam nekropoley Yuzhnogo Zaural'ya i Kazakhstana) [Shadow of the Woman: Female Costume of the Bronze Age as "Text": (Based on the Materials of the Necropolises of the Southern Trans-Urals and Kazakhstan)]. Chelyabinsk : Avto Graf, 2008. 244 p.

Matveev A.V. Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ya [The First Androno People in the Forests of Trans-Urals]. Novosibirsk : Nauka, 1998. 415 p.

Matyushchenko V.I. Elovskiy arkhelogicheskiy kompleks. Ch. 2: Elovskiy II mogil'nik. Doirmenskie komplekсы [Elovsky Archaeological Complex. Part 2: Elovsky II Burial Ground. Pre Irmen Complexes]. Omsk : OmGU, 2004. 468 p.

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik na reke Omi. T. 4 [Monument on the Om River. Vol. 4]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2016. 452 p.

Ol'hovskiy V.S. Pogrebal'naja obrjadnost' i sociologicheskie rekonstrukcii [Funeral Rituals and Sociological Reconstructions]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology]. 1995. №2. Pp. 85–98.

Pozdnyakova O.A. Problema interpretatsii pogrebeniy zhenshchin s golovnymi uborami (po materialam andronovskogo kompleksa mogil'nika Firsovo-XIV) [The Problem of Interpretation of Burials of Women with Headdresses (Based on Materials of the Andronovo Complex of the Firsovo-XIV Cemetery)]. *Nasledie drevnikh i traditsionnykh kul'tur Severnoy i Tsentral'noy Azii*. T. III [The Legacy of Ancient and Traditional Cultures of North and Central Asia. Vol. III]. Novosibirsk : Izd-vo NGU, 2000. Pp. 47–52.

Pozdnyakova O.A. Nakosnye ukrasheniya iz andronovskikh mogil'nikov lesostepnogo Altaya [Bridal Jewelry from Andronovo Burial Grounds of the Forest-Steppe Altai]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoy Azii: itogi i perspektivy izucheniya na rubezhe tysyacheletiy* [Historical and Cultural Heritage of Northern Asia: Results and Prospects of Studying at the Turn of Millennia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2001. S. 251–255.

Polikanova E.P. Sotsial'naya struktura obshchestva (analiz razlichnykh kontseptsiy) [Social Structure of Society (Analysis of Various Concepts)]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 1998. №5. Pp. 233–240.

Polos'mak N.V. Vsadniki Ukoka [The Horsemen of Ukok]. Novosibirsk : INFOLIO, 2001. Pp. 143–163.

Popov V.A. Polovozrastnaya stratifikatsiya v etnosotsiologicheskikh rekonstruktsiyakh pervobytnosti (Vместo otveta opponentam) [Gender and Age Stratification in Ethnosociological Reconstructions of Primitive Culture (Instead of Replying to Opponents)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1982. №1. Pp. 68–79.

Sotnikova S.V. Andronovskiy (fedorovskiy) obryad krematsii: k rekonstruktsii ritual [Andronovo (Fedorov) Ceremony of Cremation: to the Reconstruction of the Ritual]. *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri*. Kn. 1 [Historical Experience of Economic and Cultural Development of Western Siberia. Book. 1]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. Pp. 178–184.

Sotnikova S.V. Rekonstruktsiya sposobov obrashcheniya s kremirovannymi ostankami v andronovskom rituale (po dannym etnografii i drevnikh pis'mennykh istochnikov) [Reconstruction of Ways of Handling with Cremated Remains in Andronovo Ritual (according to Ethnography and Ancient Written Sources)]. Integratsiya arkhelogicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies]. Omsk : Izd-vo OmGPU : Izd. dom "Nauka", 2008. Pp. 276–279.

Tikhonov S.S. K voprosu o kompleksnom izuchenii polozheniya zhenshchin v drevnikh obshchestvakh [On the Issue of a Comprehensive Study of the Position of Women in Ancient Societies]. Integratsiya arkhelogicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Omsk : Izd-vo OmGPU : Izd. dom "Nauka", 2008. Pp. 85–87.

Tishkin A.A., Dashkovskiy P.K. Vozmozhnosti provedeniya paleosotsial'nykh issledovaniy na osnove arkhelogicheskikh dannykh [Possibilities of Carrying Out Paleosocial Research on the Basis of Archaeological Data]. Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri [Archaeology of Southern Siberia]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhelogii i etnografii SO RAN, 2003. Pp. 51–55.

Troitskaya T.N. Nekotorye voprosy sotsial'noy stratifikatsii obshchestva bol'sherechenskoj kul'tury (V–I vv. do n.e.) [Some Issues of Social Stratification of the Society of Bolsherechenskaya Culture (5th–1st I Centuries BC)]. Skifo-sibirskiy mir [The Scythian-Siberian World]. Kemerovo : KemGU, 1989. Pp. 73–76.

Umerenkova O.V. Kul'turnoe vzaimodeystvie v epokhu pozdney bronzy na territorii Kuznetsko-Salairskoj gornoy oblasti (na osnove analiza ukrasheniy) [Cultural Interaction in the Late Bronze Age on the Territory of the Kuznetsk-Salair Mountain Region (Based on the Analysis of Jewelry)]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. №6 (12), ch. I [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice]. Pp. 197–202.

Usmanova E.R. K voprosu o sootnoshenii obryadov trupopolozheniya i truposozhzheniya u plemen andronovskoj kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [On the Issue of the Relationship between the Rituals of Corpse and Cremation in the Tribes of the Andronovo Cultural-Historical Community]. Mirovozzrenie u narodov Zapadnoy Sibiri po arkhelogicheskim i etnograficheskim dannym [World Outlook among the Peoples of Western Siberia based on the Archaeological and Ethnographic Data]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1985. Pp. 155–157.

Usmanova E.R. K voprosu o biritulizme v pogrebal'nom obryade plemen andronovskoj obshchnosti Sary-Arki [On the Question of Biritulism in the Funeral Rite of the Andronovo Communities of the Sary-Arka]. Voprosy periodizatsii arkhelogicheskikh pamyatnikov Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana [Questions of the Periodization of Archaeological Monuments of Central and Northern Kazakhstan]. Karaganda : [B. i.], 1987. Pp. 43–48.

Usmanova E.R. Znakovyy kod v pogrebal'nom obryade mogil'nika Lisakovskij [Sign Code in the Burial Rite of the Lisakovskij Burial Ground]. Khronologiya i kul'turnaya prinadlezhnost' pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Yuzhnoy Sibiri [Chronology and Cultural Affiliation of the Monuments of the Stone and Bronze Ages of Southern Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1988. Pp. 83–84.

Usmanova E.R. Andronovskiy pogrebal'nyy obryad i problema khronologii i periodizatsii (po materialam mogil'nika Lisakovskij) [Andronovo Funeral Rite and the Problem of Chronology and Periodization (Based on the Materials of the Lysakovskij Burial Ground)]. Problemy khronologii i periodizatsii arkhelogicheskikh pamyatnikov Yuzhnoy Sibiri [Problems of Chronology and Periodization of Archaeological Monuments of Southern Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1991. Pp. 90–93.

Usmanova E.R. Mogil'nik Lisakovskij 1: fakty i paralleli [The Lisakovskij 1 Burial Ground: Facts and Parallels]. Karaganda ; Lisakovsk : Karagand. gos. un-t im. E.A. Buketova ; Lisakov. muzey istorii i kul'tury Verkh. Pritobol'ya, 2005. 232 p.

Usmanova E.R. Kostyum zhenshchiny epokhi bronzy Kazakhstana. Opyt rekonstruktsiy [Costume of a Woman of the Bronze Age of Kazakhstan. Experience of Reconstruction]. Karaganda : TAiS, 2010. 176 p.

Khlobystina M.D. Bronzovye izdeliya Khakassko-minusinskoy kotloviny i razvitie karasukskoj kul'tury [Bronze Ware of Khakassko-Minusinsk Hollow and Development of Karasuk Culture]. Arkhiv Muzeya arkhelogii, etnografii i ekologii Yuzhnoy Sibiri KemGU [Archives of Museum of Archaeology, Ethnography and Ecology of South Siberia KemSU]. OF №70 1976.

Sharapova S.V. Nekotorye aspekty izucheniya simbolov sotsial'noy vlasti [Some Aspects of the Study of Symbols of Social Power]. Shestyte istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova [The Sixth Historical Readings in Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk : OmGU, 2004. Pp. 82–86.